

In conclusion, it is interesting to read this book both in Russian translation and in the original English version. Often we do not think about the colossal work done during the translation. The translation of such literature is feasible for the creation of a new work. And the popularity of the original work for the general public depends on the quality of the translation.

References

1. Rowling, Joanne K. Harry Potter and the prisoner of Azkaban. Bloomsbury publishing, 2015.
2. StudFiles [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/39165-48/page:3/> (дата обращения: 03.03.2022).
3. Андреева М. И., Анохина Е. А., Гостюнин Т. Д. Texts of analogue TV series on medicine: linguistic features of translation and ethics (in case of English and Russian TV series) // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2019. № 2(14). С. 21–27.
4. Роулинг Д. Гарри Поттер и узник Азкабана. М.: РОСМЭН, 1999.
5. Солнышкина М. И., Мартынова Е. В., Андреева М. И. Пропозициональное моделирование для оценки информативности текста // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2020. № 3(31). С. 47–57.

УДК 83.3

*С. А. Губанов (Самара, Россия)
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

Исследование эпитетных слов (на материале Словаря поэтического языка М. Цветаевой)

В статье рассматривается образная природа эпитетов на материале текстов М. Цветаевой. На базе Словаря поэтического языка поэта делается вывод об антропоморфичности поэтического мышления и языка поэта. Отобранные эпитеты вписываются в логику метонимического механизма образования переносных эпитетов.

Ключевые слова: Марина Цветаева, эпитет, метонимия, словарь, концепт.

Образный потенциал атрибутивных конструкций трудно переоценить, особенно в случае их присутствия в составе художественного текста. [1], [3], [5], [6], [10]. Рассмотрение роли признаковой лексики не только в составе идиолексикона поэта или писателя, но как проявления когнитивного типа категоризации реальности представляется перспективным направлением исследования [6].

Творчество Марины Цветаевой является тем языковым материалом, в котором ярко представлены различные способы категоризации явлений действительности. В составе трех традиционных концептуальных сфер, выделяемых когнитологами, – природной, артефактной и антропоморфной – особенно выделяется последняя как наиболее детально осмысляемая поэтом [2], [4], [7].

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой дает богатый материал для анализа языка поэта. О.Г. Ревзина отмечает в предисловии к Словарю, что атрибутивные конструкции представляют собой один из наиболее объемных пластов лексики. Исследователь делит признаковую лексику на три разряда:

- 1) нормативные сочетания (*алые щеки, легкая робость*);
- 2) нормативные устойчивые сочетания (*вечная память, могильный крест*);
- 3) индивидуально-авторские сочетания (*лихорадочные провода, голодная весна*) [8, с. 33–37].

Как видно из примеров последней рубрики, к авторским образованиям исследователь относит метонимические эпитеты, на что особо обращает внимание как на идиолектную черту. Сюда попадают такие словосочетания, как *любезная ручка, виновные веки, мужественный рукав, бессонный дом, мятежный карандаш* и др. М. Цветаева использует возможности метонимического мышления, что формирует новый способ поэтического моделирования [8, с. 37]. Метафора, в отличие от метонимии, легко считывается, даже в случае с «метафорой второго порядка», в терминологии О.Г. Ревзиной. Такая метафора заключается в переносе атрибутивной метафоры на другой объект: сугробы – *леденцовы зерна*. Результатом метонимического переноса выступают сложные, объемные смыслы, порой выраженные генитивной конструкцией или несколькими адъективами. В заключение автор статьи делает очень важный для нашего исследования вывод: «метонимия и метафора ... представлены в поэтическом мышлении едва ли не равноценно, причем метонимические механизмы имеют, пожалуй, большую «глубину залегания», чем метафора» [8, с. 40].

В настоящей статье речь пойдет об эпитетных словах (словах признаковой семантики) в авторском языке М. Цветаевой на материале Словаря поэтического языка Марины Цветаевой [9]. Будет рассмотрен именно метонимический механизм образования эпитетов. С этой целью материал отбирался из Словаря поэта на основе слов-эпитетов, начинающихся на букву «Г». Выбор данного корпуса эпитетов обусловлен достаточно большим массивом эпитетов, начинающихся на эту букву.

В статье рассматриваются три эпитета в их сочетании с различными субстантивами: *гневный, гордый, грустный* как наиболее частотные.

1. Гневный. Эпитет сочетается с такими определяемыми словами, как глаза, голос, девственность, ангел, волны, небо и другие:

гневным гласом; гневным ангелом; гневной девственности; гневные волны, гневное небо, слишком гневных глаз [9, с. 241].

2. Гордый. Эпитет сочетается с определяемыми словами: грех, блеск, час, спина, поза, осанка, усмешка, шея, дружба, губы, поступь и другие:

гордый блеск ... столетий; грехом гордым; в гордый час трубы; гордая спина, гордой позы (не изменит); *гордой дружбе; гордую шею; с ... гордой усмешкой, осанкой; сановнически-гордой поступью; гордых губ* [9, с. 254].

3. Грустный. Эпитет сочетается с субстантивами: ночь, день, минута, мир, рот, углы губ, душа, счастье, глаза и другие:

грустный рот; грустен мир; кроме самой грустной (минуты); *в этой грустной душе; ночь грустна; грустней пустого храма* (душа); *грустное счастье; грустные глаза;* [9, с. 275]; *слишком грустными – углы // Губ* (станут); *грустны очи* [9, с. 276].

Атрибутирование признака происходит посредством отсылки к состоянию человека: состояние превращается в признак называемого объекта, и на него распространяется данное свойство – возникает метонимический перенос. Когда этот признак из смежной области (часть тела: глаза, рот, губы; абстрактное понятие: душа, дружба, счастье), то перенос осмысливается как привычно метонимический. Если же признак антропоморфной природы (в нашем материале они все таковы: грустный, гордый, гневный) распространяется на более далекую концептуальную область, такую, как природа (день, ночь, время), то перенос признака ощущается более метафорично и ярко.

Прокомментируем данные выводы на поэтическом материале.

В рамках употребления эпитета *гневный* наблюдается последовательное распространение признака на концептуальные части образа человека, но когда это происходит по отношению к слову *небо*, возникают дополнительные образные смыслы: пасмурное, дождливое, тяжелое и т. д.

Если смысл фраз *гордая поза, гордые губы* метонимически понятны, то эпитетные комплексы *гордая дружба, гордый час, гордый блеск столетий* оказываются явно многозначными и неясными из краткого контекста. Так, наполнение фразы *гордая дружба* предполагает наличие так сем, как *независимая от..., крепкая, сильная. Гордый блеск столетий – настоящий, вечный, озаменованный чем-то*. Трудность дать определение таким определениям обусловлена их смысловой и синтаксической окказиональностью.

Признак *грустный* отражает как состояние субъекта и его «локализацию» в той или иной части тела (*грустная душа*), так и его выраженность в различных смежных понятиях (*грустная минута*); используется метафора контейнера (вместилища): *душа грустней пустого храма, в этой грустной душе ... бродил...* Особенно следует отметить стремление автора детализировать концепт: *слишком грустными – углы // Губ* (станут). Данная идиолектная черта творче-

ства М. Цветаевой неоднократно отмечалась исследователями: в сочетании с метонимизацией это создает дополнительный образный эффект.

Исходя из вышесказанного, нужно отметить важную идиостилевую черту текстов М. Цветаевой. На материале небольшого участка признаковой лексики можно увидеть особенности работы поэта с языком: частотными являются антропоморфные эпитеты, сочетающиеся с различными субстантивами, из которых наиболее активны также относящиеся к концептополю «человек». Такие переносы, будучи индивидуально-авторскими, имеют метонимическую природу, распространяя признак на смежный ему объект. При большем «смысловом расстоянии» признака и определяемого слова наблюдается наложение на глубинный метонимический перенос метафорического эффекта. Тем не менее, следует признать метонимию отличительной чертой когнитивного мышления М. Цветаевой в рамках признаковой номинации.

Литература

1. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (подготовка к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2(9). С. 122–143.
2. Габдуллина С. Р. Концепт дом/родина и его словесное воплощение в стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны. М., 2004. 243 с.
3. Губанов С. А. Теория эпитета: основные подходы: монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.
4. Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1999. 232 с.
5. Киров Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.
6. Кубаева Ф. Р. О семантических типах перенесенного эпитета // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 3. С. 76–80.
7. Надежкин А. М. Корневой повтор в художественной речи Цветаевой // Вестник Нижегородского государственного университета. 2012. № 3-1. С. 393–395.
8. Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5–40.
9. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. 320 с.
10. Тагиева Е. М. Окачествление относительных прилагательных в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 115 с.